

Полевые исследования

DOI: 10.19181/inter.2025.17.1.3

EDN: OEAIUB

Нарративные жанры и культурные ресурсы обыденных обоснований войны в Афганистане (1979–1989)

Ссылка для цитирования:

Гаджиев А., Даутова Т.Е. Нарративные жанры и культурные ресурсы обыденных обоснований войны в Афганистане (1979–1989) // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2025. Т. 17. № 1. С. 42–62. <https://doi.org/10.19181/inter.2025.17.1.3> EDN: OEAIUB

For citation:

Gajiyev A., Dautova T.E. (2025) Narrative Genres and Cultural Resources of Ordinary Justification of the Soviet War in Afghanistan (1979–1989). *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 17. No. 1. P. 42–62. <https://doi.org/10.19181/inter.2025.17.1.3>

Гаджиев Акиф

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

E-mail: akifka21@mail.ru

Даутова Татьяна Евгеньевна

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

E-mail: te.dautova@gmail.com

В работе исследуются обыденные обоснования военных конфликтов и их культурные источники на материале интервью с ветеранами Афганской войны 1979–1989 годов. Рассматриваются исследования публичных легитимаций и обыденного восприятия войн. На основании обзора исследований взаимосвязи общественного мнения и решений об инициации и прекращении военных конфликтов мы делаем вывод о предписывающей силе обыденных представлений о военных конфликтах. В работе подвергается критике утилитаристский фокус, характерный для исследований публичных легитимаций,

а также ограниченное рассмотрение культурных ресурсов и представлений о должном в рамках исследования обыденного восприятия. Для преодоления обозначенных ограничений, мы обращаемся к сильной программе культурсоциологии, постулирующей тезис об автономии культуры и предлагающей инструменты для исследования обоснований — нарративные жанры и культурные ресурсы. Обыденные обоснования военных конфликтов исследуются на примере интервью с ветеранами Афганской войны. В результате анализа 22 интервью выделяются три нарративных жанра обыденных легитимаций и делегитимаций данного конфликта: социалистический романтизм, апокалиптический и скептический жанры. Для каждого из них характерен свой подход к работе с культурными ресурсами, различные взгляды на Афганский конфликт и отдельные его события, например, такие, как выход Советской армии из Афганистана. Обыденные обоснования демонстрируют относительную автономию от публичных легитимаций, способность самостоятельной работы с обширным культурным репертуаром в рамках российского исторического контекста.

Ключевые слова: обыденные обоснования; легитимация; нарратив; культурсоциология; Афганская война; ветеран войны

Благодарность. Исследование реализовано при поддержке факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в рамках проекта «Опыт локальных конфликтов: переработка, ресоциализация, инвалидность».

Введение

Несмотря на исчезновение из официального дискурса слова «война», военные операции, гуманитарные интервенции, вооруженные столкновения и насилие между государствами продолжают сопровождать нашу повседневность. Этот отказ от «войны» как слова, но не как явления, имеет несколько причин. Одна из них состоит в том, что вести вооруженные конфликты без общественной поддержки становится все труднее [Hollander, 2009]. Обычные люди, несущие бремя войн, осмысливают и оценивают их допустимость исходя, из собственных представлений о правильном и неправильном, основанных на знаниях об истории и культуре, примерах «хороших» и «плохих» войн [Smith, 1991; Smith, 2010]. В результате люди конструируют собственные оценки и обоснования происходивших и происходящих вооруженных конфликтов. На эти оценки, безусловно, влияет официальная легитимация¹, однако они обладают относительной автономией и, кроме того, могут иметь предписывающую силу

¹ Исходя из того, что в исследовательском сообществе нет сформулированного мнения относительно различий между понятиями легитимации и обоснования военных конфликтов, они употребляются как равнозначные.

относительно решений об инициации и прекращении войн [Cooper et al., 2010; Bloch-Elkon, 2007]. Мы исследуем, с опорой на какие культурные ресурсы конструируются обыденные обоснования войн в российском контексте. Под обыденными основаниями мы понимаем не только прямые обоснования, призванные доказать необходимость обращения к вооруженному насилию, но и рассуждения о морали в контексте боевых действий в целом.

Исследование обыденных обоснований военных конфликтов и их культурных ресурсов (таких как история страны, ее культура, представления о войнах и ценностях на войне) в российском контексте проводится на материале интервью с ветеранами Афганской войны. В рамках работы предлагаем обратиться к концептуальному аппарату сильной программы культурсоциологии. Мы задаемся следующим исследовательским вопросом: какие нарративные жанры распространены в рамках обоснований войны в Афганистане ветеранами-афганцами, какие культурные ресурсы они задействуют и как их интерпретируют?

Публичные легитимации и обыденное восприятие

Для изучения обоснований военных конфликтов обратимся к двум направлениям: исследованиям публичных легитимаций и обыденного восприятия войн.

Спектр исследований публичных легитимаций широко представлен работами, посвященными изучению пропагандистских нарративов, а также их влиянию на оценки военных конфликтов обычными людьми. Фокусируясь на риторических и коммуникативных приемах, используемых в нарративах легитимаций, ученые исследуют пропагандистскую роль публичных обоснований войн посредством критического дискурс-анализа [Mirhosseini, 2017; Махев, 2020; Oddo, 2011]. В целях легитимаций войн предполагается свободное обращение к разделяемым в обществе ценностям и коммуникативным приемам для разжигания националистических настроений и готовности к применению насилия [McIntosh, 2021; Dexter, 2008; Liu, Shao, 2023]. Публичная сфера (СМИ, выступления политиков) рассматривается как часть машины военной пропаганды [Hiebert, 2003], направленной как на внутреннюю, так и на внешнюю аудиторию, и призванной нормализовать войну путем использования различных дискурсивных стратегий [Simonsen, 2019].

Сегодня все большую популярность приобретают работы, посвященные факторам обыденного восприятия военных конфликтов и их легитимаций. С помощью экспериментальных методов исследователи изучают влияние факторов обыденного восприятия легитимаций конфликтов: сложность риторических конструкций легитимаций [Cooper et al., 2010] и логику обоснования конфликта (например, инструментальную, моральную и юридическую) [Dill, Schubiger, 2021]. Также значимо направление исследований восприятия «законов войны». С опорой на моралистские теории изучаются факторы восприятия боевых действий, такие как вероятные издержки в виде потерь среди

мирного населения и солдат [Sagan, Valentino, 2018; Carpenter et al., 2021]. Исследования, обращающиеся к экспериментальным методам, демонстрируют большой потенциал в изучении обыденного восприятия войн и, в контексте этого, их обоснований. В следующем разделе мы рассмотрим ограничения подходов к изучению публичных легитимаций.

Утилитаристские предпосылки в исследованиях публичных легитимаций

В исследованиях пропаганды утилитаристская предпосылка к изучению войн способствует ограниченному рассмотрению их легитимаций. В научной литературе превалирует суждение о том, что все войны начинаются из рациональных соображений, а представления о нравственном и безнравственном занимают подчиненное положение относительно реальных (утилитарных) мотивов [Smith, 1991]. Сегодня этот подход находит место в работах утилитаристов, теоретизирующих современные войны. Войны представляют собой насилие, логично применяемое с ориентацией на экономическую или политическую выгоду [Kalyvas, 2006; Laitin, 2007]. Подобный подход проявляется в описанных выше исследованиях легитимаций. Основным методом в них выступает критический дискурс-анализ, а легитимации помещаются в отношении власти, где они — лишь инструмент навязывания государством своей воли по ведению войны [Hollander, 2009; Liu, Shao, 2023; Kornprobst, 2014; Maxey, 2020]. В этом контексте все апелляции к разделяемым ценностям в рамках легитимаций рассматриваются обособленно, без связи с распространенными представлениями о должном. Вместе с тем исследования общественного мнения иллюстрируют обратное: общественное мнение и СМИ способны оказывать взаимное влияние друг на друга в ходе политических кризисов, формируя обоснования в рамках принятия политических решений [Bloch-Elkon, 2007; Baum, Groeling, 2010]. Из этого следует, что представления обычных людей об обоснованности войн не возникают исключительно из актуальной военной пропаганды, а обладают определенной предписывающей силой относительно происходящих событий и их обоснований [Smith, 1991].

Исследования обыденного восприятия, основанные на дедуктивной логике, также фокусируются на рассмотрении конкретных факторов [Sagan, 2018; Carpenter et al., 2020]. Однако факторы, которые действительно могут быть важны для обыденного восприятия войн, могут игнорироваться. Изучение влияния факторов, выделенных исследователями в ходе аналитической работы, не дает полного представления, на что опираются люди, принимая решения относительно допустимости и недопустимости военных конфликтов, а лишь позволяет измерить силу обозначенных исследователями переменных. Мы полагаем, что и публичные легитимации военных конфликтов, и обыденное восприятие войн конструируются с использованием одних и тех же ресурсов или факторов, а потому исследование описываемых эмпирических объектов должно стремиться к выявлению этих ресурсов и факторов, а также

прояснению их роли. Для того чтобы исследовать конструирования обоснований войн и их влияние на обычных людей, необходимо отказаться от утилитарного взгляда и сосредоточиться на пространстве смыслов и ценностей, обосновывающих применение насилия – на культуре.

Сильная программа культурсоциологии в исследованиях обоснований военных конфликтов

Для разрешения проблемы ограничений указанных подходов в изучении обыденных обоснований и их ресурсов мы обращаемся к сильной программе культурсоциологии. Теоретические постулаты сильной программы располагают к преодолению ограничений утилитаристских подходов исследований пропаганды [Smith, 1991; Smith, 2010]. Главной характеристикой сильной программы является постулирование автономии культуры [Александр, Смит, 2010], ее независимого характера относительно других действующих сил, таких как властные диспозиции и экономический интерес. В работах, исследующих пропаганду, описываемые исследователями «гуманитарные нарративы» и «коммуникативные приемы» не соотносятся с бытующими представлениями о должном, а существуют лишь чтобы формировать и конструировать «аморфное» общественное мнение [Махев, 2020; Oddo, 2011]. Постановка в центр исследования культуры позволяет преодолеть ограничения исследований легитимаций и обыденных представлений, сфокусировавшись непосредственно на том, как обоснования конструируются с опорой на культурные ресурсы.

Традиционно исследования в духе сильной программы описывают, как нарративы и бинарные оппозиции составляют дискурс гражданского общества [Baioocchi, 2006; Saito, 2021]. В рамках традиционного подхода нарративы военных конфликтов уже становились объектом исследования Филиппа Смита, продемонстрировавшего функционирование культурных кодов в нарративных жанрах, где последние — структурированные культурой способы повествования о военных конфликтах. Публичные повествования об определенных событиях (в частности, войнах) ограничены набором имеющихся шаблонов и тропов. Они позволяют облекать последовательности фактов и событий в общие формы, предлагающие объяснительную перспективу [Smith, 2010]. Смит выделил четыре нарративных жанра публичного повествования о войне, находящихся в иерархических отношениях (от низкого к высокому): низкий мимесис, трагический, романтический и апокалиптический жанры. Низкие жанры характеризуются рациональными мотивациями, пониженным антагонизмом сторон, уровнем конфликта и незначительным масштабом действия, тогда как высокие обостряют моральную поляризацию между сторонами, усиливают значимость конфликта и идеалистичность мотиваций. Если низкие жанры никак не оправдывают войны, описывая их в рамках новостных сводок, высокие жанры направлены на их легитимацию и обоснование через придачу им моральной значимости. Выделение нарративных жанров и описание их специфики позволяют реконструировать внутреннюю логику обоснований войн.

Вместе с тем, в контексте исследования травмирующих событий и символических границ получил развитие другой подход, изучающий связь публичных нарративов с национальными культурами и обращение нарративов к различным национальным культурным ресурсам [Connor, 2012]. Исследователи концептуализировали это влияние различными способами — через понятие культурного контекста [Jacobs, 2000], национального культурного репертуара (схемы оценивания, специфичные для сообществ и мобилизуемые для конструирования и оценивания окружающего мира) [Lamont, Thévenot, 2013], национальных метанарративов, коллективной памяти и доминирующих воспоминаний о прошлом [Jacobs, Smith, 1997; Connor, 2012]. Обращение к последним способно расширить наши представления о том, какие культурные ресурсы служат опорой для конструирования представлений о войнах.

Ранее исследования культуры в духе сильной программы обращались к публичному дискурсу; мы же предлагаем использовать данный подход в изучении нарративных жанров, в которых функционируют обыденные обоснования военных конфликтов. На необходимость исследования нарративных жанров, производимых обычными людьми, указывал и сам Смит [Smith, 2010]. То, что устные повествования обычных людей структурируются контекстом, в котором происходит высказывание, описано, в том числе, философом Михаилом Бахтиным. Он определял речевые жанры как устойчивые и нормативные формы высказывания и делил их на первичные (устные) и вторичные (литературные) [Бахтин, 1996]. Высказывания, произведенные в первичных жанрах, формируются под влиянием уже существующих высказываний на эту тему, таким образом, обладая определенной консистентностью. Это подкрепляет наше намерение использовать подход сильной программы с выделением нарративных жанров, но опираясь на материалы интервью с обычными людьми, а не на публичный дискурс (речи политиков, новости и т.д.).

Мы предлагаем выделить жанры, в которых функционируют обыденные обоснования войн, и описать, с опорой на какие культурные ресурсы они функционируют. Жанр обыденного обоснования понимается как структурированная культурой устойчивая форма обыденного повествования о военных конфликтах. Под культурными ресурсами мы имеем в виду знания об истории и культуре страны, примеры «хороших» и «плохих» войн, представления о разделяемых обществом ценностях. Через выделение нарративных жанров и культурных ресурсов станет возможным описание устройства обыденных обоснований и того, как они конструируются в рамках национальной культуры.

Обоснование эмпирического объекта

Для описания того, как обыденные обоснования могут конструироваться в российском культурном контексте, мы обратимся к легитимациям Афганской войны 1979–1989 годов. Долгое время эта война была крупнейшим конфликтом, в котором участвовала страна: через нее прошли 620 тысяч советских солдат и офицеров. При этом война в Афганистане служит ярким примером конфликта,

оценки участников которого нельзя назвать устоявшимися, так как они претерпевали различные символические и материальные перемены [Данилова, 2005; Danilova, 2007]. Исторический фон войны, а также события, происходившие после нее, способствовали этим периодическим переоценкам. Современные события, такие как вывод американской армии из Афганистана (2020), также возвращают нас к истории прошлого конфликта с его неоднозначным ходом и результатами. Все это делает войну в Афганистане подходящим примером для исследования устройства обыденных обоснований в российском контексте.

В работе мы предлагаем исследовать обоснования Афганской войны, опираясь на интервью с ее участниками. Изучение мнения людей без опыта службы в горячих точках имеет вероятные ограничения: для них тема легитимаций войн может не являться такой значимой, как для непосредственных участников. Вопросы относительно справедливости и необходимости военного конфликта являются одним из источников напряжения и противоречивости в восприятии военного опыта, а публичная оценка войны как «хорошей» или «плохой» может быть связана с тем, как легко ветеран адаптируется к послевоенной жизни [Scott et al., 2022: 205–206]. Примечательность опыта ветеранов-афганцев в том, что они сталкивались с постоянными переоценками конфликта, связанными с изменениями политической обстановки [Данилова, 2005]. Предоставленные сами себе, они вырабатывали собственные оценки войны, где меняющийся политический фон, прошедшие и новые войны стали ресурсами для их обоснований. Другой особенностью опыта ветеранов-афганцев является их участие в движениях и объединениях, направленных на защиту их ветеранского статуса, получение льгот, а также формулирование публичных мнений относительно войны в Афганистане [Даутова, Рождественская, 2024; Тарасенко, Кулмала, 2016]. Приведенные особенности позволяют предположить, что обоснования ветеранов-афганцев являются не только отражением их личных взглядов, но и репрезентируют определенную часть гражданского дискурса относительно Афганской войны.

Методология

В качестве эмпирического материала мы использовали интервью, собранные в проекте, посвященном опыту ветеранов различных локальных конфликтов. В итоговую выборку вошли 22 интервью². Они носили полуструктурированный характер и были посвящены биографическому пути ветерана. Вопросы об оценках Афганской войны также были предусмотрены гайдом. Тематические полуструктурированные интервью собирались в 2022–2023 годах. Преимущественно информантами выступили ветераны из Москвы (15 человек), также есть представители Московской области (1), Центральной России (1), Урала (2), Сибири (1), Северо-Западного федерального округа (СЗФО) (1)

² На первом этапе было просмотрено 31 интервью. Отсутствие нарративных легитимаций в 9 из них отчасти связано с тем, что прямые вопросы об этом могли быть не заданы или же ответ не был сформулирован или развит информантом.

и Узбекистана (1). По статусу службы в Афганистане в выборку для анализа в данной статье вошли 14 кадровых военных и 8 солдат срочной службы. Информанты рекрутировались через ветеранские организации — централизованно через административное лицо в организации или при личном посещении исследователем. Часть контактов была получена через ранее опрошенных респондентов.

Итоговым продуктом анализа выступают нарративные жанры обыденных обоснований войны в Афганистане. Как уже было сказано выше, жанр обыденного обоснования мы понимаем как структурированную культурой устойчивую форму обыденного обоснования военного конфликта. Нами были отобраны фрагменты интервью, касающиеся обоснований войны в Афганистане (73 фрагмента). Эти фрагменты были закодированы с фокусом на: легитимациях — аргументах, обосновывающих необходимость войны или оспаривающих ее; культурных ресурсах, к которым обращаются ветераны; высказываемому отношению к войне; бинарных оппозициях (двоичных кодах, отвечающих за классификацию мира в соответствии с моральными критериями [Smith, 2010]), возникающих в нарративах. Затем из сочетания этих кодов и соображений внутренней консистентности были выделены нарративные жанры обоснований войны в Афганистане. Далее было проведено осевое кодирование [Страусс, Кобрин, 2001], сфокусированное на том, каким образом в рамках различных жанров информанты обращаются к определенным культурным ресурсам: в каком порядке происходит обращение к культурным ресурсам и как разные ресурсы интерпретируются в различных жанрах.

Вслед за Смитом мы полагаем, что нарративные жанры повествования о войне могут демонстрировать схожесть в культурных контекстах, имеющих общее культурное наследие — литературный канон, корпус религиозных текстов, философскую традицию. Интерпретируя, как функционируют выделенные нами жанры, мы обращались в том числе к жанрам и нарративам, описанным ранее в исследованиях гражданского дискурса в культурсоциологической парадигме: дискурсу военных конфликтов второй половины XX — начала XXI века [Smith, 2010]; аналогий, касающихся 11 сентября [Connor, 2012]. Отдельный интерес представляет изучение, в какой степени выделенные нами жанры могут сходиться с теми жанрами, что были обозначены западными исследователями. Таким образом, логика анализа была дедуктивно-индуктивной. Следует учитывать, что нарративные жанры не равны взглядам конкретных ветеранов. В своем рассказе ветераны могут прибегать к разным, иногда противоречащим нарративным жанрам, но не в одних и тех же фрагментах.

Нарративные жанры (де)легитимации Афганской войны

Нами было выделено три нарративных жанра разговора о смысле и морали войны в Афганистане, обращенных на ее легитимацию и делегитимацию: социалистический романтизм, апокалиптический и скептический жанры. Главным основанием выделения жанров были аргументы легитимации, призванные

прояснить цели войны в Афганистане. Указание целей войны обуславливало дальнейшую специфику нарратива, который разворачивал ветеран относительно Афганской войны: обращение к конкретным культурным ресурсам, их последовательность и интерпретация в рамках данного нарратива; воспроизводимые бинарные оппозиции; отношение к войне и ее результатам.

В рамках нарративных жанров (де)легитимации ветераны не только ретранслируют существующие политические аргументы (что обуславливает их высокую внутреннюю консистентность), но и обогащают их собственными представлениями о культуре и истории. Жанры находятся в иерархических отношениях в зависимости от уровня конфликта, задействованных сил и антагонизма сторон — от более низкого романтического жанра к более высокому — апокалиптическому. Вместе с тем, делегитимирующий скептический жанр обладает низкой внутренней консистентностью, поскольку в большей степени представляет собой продукт внутренней рефлексии, а не публичных политических аргументов. В гражданском дискурсе существует определенная критика по отношению к Афганской войне, но ветераны, скорее, не являются носителями этой критики, а отвечают на неё, даже когда сами относятся к этой войне критично.

Специфичными для всех нарративных жанров являются отношения антагонизма, которые в рамках войны в Афганистане можно назвать искаженными: зачастую в качестве противника СССР указываются не фактические противники на территории Афганистана в лице афганцев из противоборствующих отрядов, а американцы, поддерживавшие их.

Жанр социалистического романтизма

Жанр социалистического романтизма активно обращается к идеологическим конструкциям и ресурсам времен позднего СССР. Он имеет схожие черты с романтическим жанром повествования о военных конфликтах, выделенным Филиппом Смитом [Smith, 2010], а также близок прогрессистскому метанарративу (глобальному представлению о необходимости прогресса путем развития науки и социальных реформ) [Сопнор, 2012]. Основными характеристиками жанра социалистического романтизма являются социалистическая идеология, проявляющаяся в позитивном взгляде на Афганскую войну, в том числе в подчеркивании цивилизационной роли СССР в Афганистане, а также пониженный антагонизм между противоборствующими сторонами. Этот жанр строится вокруг официальных и неофициальных легитимаций, что давали Афганской войне во время и после нее, обращенных в первую очередь к конкретным вопросам, решаемым в рамках военного конфликта. Среди аргументов можно выделить пресечение наркотрафика, создание дружественного государства, тестирование военной техники, пресечение строительства американских баз, установки ракет.

Жанр социалистического романтизма обращается к событиям афганской истории (признанию Афганистаном СССР, коммунистической революции),

призванным продемонстрировать близость между странами и тем самым частично обосновать участие СССР во внутренних делах Афганистана:

«Во-первых, это еще и при Ленине, это первое государство, которое мы признали декретом где-то в (19)18-м году еще, по-моему» (информант 13, кадровый военный, Москва).

В рамках данного жанра ветераны подчеркивают цивилизационную роль советского присутствия в Афганистане, способствовавшего повышению там уровня жизни. Социалистическому романтизму свойственно меньшее внимание к боевым задачам Советской армии в Афганистане: войну замещает политическая и гуманитарная работа, сопровождавшая присутствие советских войск в стране.

«Там мы построили что-то около пяти тысяч объектов. Там и институт построили политехнический в Кабуле, и дороги, и Саланг — тоннель — пробрили, и домостроительный комбинат построили...» (информант 13, кадровый военный, Москва).

В рамках этого жанра Афганская война сравнивается с вооруженными конфликтами, носившими ограниченный во времени характер и не имевшими глобальных последствий: гражданской войной в Испании, участием советских советников и войск в конфликтах в Мозамбике, Анголе, Конго, Кубе, Сирии. Это сравнение может обуславливаться формулой «интернационального долга», который обретает весьма конкретные черты: поддержка демократических, социалистических, прогрессивных режимов против фашистских, реакционных, капиталистических.

«Перед войной, (19)38-й год, в Испании была война. В Испании там тоже были интернационалисты, добровольцы шли туда. Интернационал то есть, ну, социалистический строй» (информант 18, кадровый военный, Урал).

Значимым элементом жанра социалистического романтизма является пониженный антагонизм между противодействующими сторонами. «Духи», или «моджахеды», не воспринимаются как серьезные противники и даже противники в целом, а «реальный» противник (американцы) не демонизируется, встречаются сравнения ветеранов Афганистана с ветеранами Вьетнама (1965–1973), что ставит между противоборствующими сторонами знак равенства.

«Есть даже ветераны, которые участвовали в каких-то израильских, каких-то вьетнамских... <...> они к нам примыкают по этим параметрам, они... они наши кровные братья» (информант 19, кадровый военный, Москва).

Конфликт в Афганистане сравнивается и с последующими войнами в истории страны (например, Чеченской войной), однако и эти сравнения призваны продемонстрировать преимущество Афганской войны, например, большую справедливость происходившего в Афганистане.

«Любая война — дело грязное, но по каким-то параметрам Афганская война была чище последующих <...>, потому что каждый командир беспокоился, он отвечал за жизнь своих подчиненных...» (информант 19, кадровый военный, Москва).

Социалистический романтизм не драматизирует окончание кампании в Афганистане, фокусируясь на выполнении поставленных задач: *«на 10 лет мы отсрочили поток наркотиков в нашу страну»* (информант 12, солдат срочной службы, Москва). Бинарные оппозиции, воспроизводящиеся в данном жанре, можно назвать низкоуровневыми: фигурирует противопоставление воинской доблести и гуманности советских солдат и трусости и негуманности американских, СССР, строившего в Афганистане инфраструктуру, и США, не строивших ее.

«Во-первых, духи-то, ну, афганцы, они до сих пор говорят, <...> что с вами, да, и воевать-то даже было по-честному. А эти [американцы] бомбу кинули в кишлак. <...> русский, советский солдат, он как-то был более такой щадящий» (информант 7, солдат срочной службы, СЗФО);

«Американцы там ничего не строили в отличие от нас, а мы вбухали кучу нашего бюджета» (информант 19, кадровый военный, Москва).

Таким образом, выделенный нами жанр социалистического романтизма строится вокруг тех публичных аргументов, которые звучали в ходе этой войны и сразу после ее окончания. Для подкрепления данных аргументов жанр социалистического романтизма обращается к таким культурным ресурсам, как история Афганистана, цивилизационная роль Советского союза в стране, в том числе идея строительства социалистического общества. Боевые действия в стране отходят на второй план, их масштабы и значимость преуменьшаются, чему способствует пониженный антагонизм между сражающимися сторонами. На фоне подчеркнуто гуманитарного характера советского присутствия в Афганистане, бережного отношения к солдатам и местным жителям, последующее вторжение США в Афганистан и другие конфликты, в том числе в истории России, могут характеризоваться как менее «нравственные» и «чистые».

Апокалиптический жанр

Апокалиптический жанр в нарративах ветеранов Афганистана схож с апокалиптическим жанром в гражданском дискурсе западных обществ, описанном Смитом [Smith, 2010]. Апокалипсис — понятие, вошедшее в обиходный

язык из религиозной литературы и обозначающее конец света. Вместе с тем, в религиозной литературе слово «апокалипсис» обозначает не только сам конец земного существования, но и события, предшествующие ему, — катаклизмы, а также финальную битву добра и зла, победа первого в которой хоть и предопределена, но через огромные сложности и жертвы. Смит фиксирует апокалиптический жанр в религиозных и светских текстах (например, в Библии и «Властелине Колец» Дж. Толкина), изображающих заключительную битву сил добра и сил зла, где нет полутонов, и борьба носит экзистенциальный характер. По Смиуту, в западном гражданском дискурсе апокалиптический жанр разговора о войнах изображает любые, в том числе локальные военные конфликты, через такую категорическую рамку. Основными характеристиками этого жанра являются его повышенный антагонизм между противоборствующими сторонами, высокая значимость военного конфликта, апелляция к безусловным ценностям и идеалам. Это единственный жанр, в котором массовое насилие может устойчиво маркироваться как допустимое из-за повышенных ставок: на кону стоит судьба страны и даже мира. Апокалиптический жанр помещает войну в Афганистане в канву глобальной борьбы с США, смещая акцент с самого Афганистана на геополитическое противостояние между двумя гегемонами. Этот жанр состоит из легитимаций, выходящих за пределы сугубо Афганского конфликта, отсылает к геополитическим интересам, характеризующимся неконкретностью и отсутствием социалистической идеологии:

«Мы туда вломились для того, чтобы, блин, американцы туда не вошли» (информант 12, солдат срочной службы, Москва).

В рамках апокалиптического жанра разговор об основном интересе советской кампании в Афганистане базируется на его геополитическом значении, исходящем из географического положения. Это значение обосновывается давней историей попыток великих держав контролировать эту страну:

«Афганистан никто не мог завоевать, он воюет триста лет. Вопрос: почему воюет? Потому что это всегда была стратегическая страна. Англичане ее не завоевали, французы ее не завоевали, америкосы ее не завоевали, и никто не завоевал» (информант 1, солдат срочной службы, Урал).

Культурные ресурсы, фигурирующие в этом нарративе, более драматичны и значимы для российской истории. В рамках данного жанра можно отметить тенденцию рассмотрения выхода из Афганистана как поражения, предваряющего главную драму в истории страны — распад СССР.

«Мы вбухали кучу нашего бюджета, и потом, когда нефть понизилась в стоимости, это явилось одной из причин распада Советского Союза. То есть фактически афганская эпопея косвенно повлияла. Распад огромной империи» (информант 19, кадровый военный, Москва).

Поддержка американцами моджахедов рассматривается как политическая экспансия США, имевшая целью дестабилизировать СССР, а затем и Россию. Это подтверждается и последующим присутствием США в Афганистане до 2020 года:

«Американцы ж не зря после нас сразу туда пришли, то есть это [Афганская война] вполне было... целесообразно» (информант 20, кадровый военный, Центральная Россия).

Таким образом, Афганский конфликт помещается в широкий ряд геополитических рисков глобальной экспансии мирового гегемона.

«Они Россию... хотят обессилить. Чтобы враг не сильный был, если возможно, его разделить по кускам. Россия, там, Ростов отдельно, Рязань отдельно, скажем, там, Московская область, Санкт-Петербург, Петроград, — все разделить. Они как и стали, вот, Узбекистан, Таджикистан, Кавказ, Осетия, Ингуше[тия]» (информант 2, солдат срочной службы, Узбекистан).

Особую роль в апокалиптическом жанре занимают конфликты, в которых участвовала Россия после Афганистана: Чеченская война, вооруженный конфликт на Донбассе, СВО. Все они рассматриваются как конфликты, где России опосредованно противостоят США. Это отличает апокалиптический жанр от жанра романтизма. Если в апокалиптическом жанре последующие войны логически связаны с Афганской войной и как бы подтверждают повестку масштабных геополитических рисков, то в романтизме они оцениваются, скорее, в негативном ключе, не дотягивают до военной, цивилизационной и гуманитарной миссии Советского союза в Афганистане.

«Чечня тоже, ее тоже хотели захватить исламисты, конкретно — американцы. Американцы все это делают и западные страны» (информант 18, кадровый военный, Урал).

Бинарные оппозиции, воспроизводящиеся в этом жанре, можно назвать более значимыми относительно бинарных оппозиций в жанре социалистического романтизма. Выстраиваются следующие противопоставления (от более значимых к менее): конструктивная (объединяющая) роль СССР/России в мировой политике против деструктивной (разъединяющей) роли США; гуманистический способ ведения войны СССР и впоследствии России против негуманистического способа ведения войны американцами; уважение СССР традиционного уклада жизни местных против неуважения к традициям у американцев.

«Американцы, они же на женскую половину, туда... Мы не заходили на женскую половину. Вот. То есть если бы даже что-то такое происходило, допустим, у нас там реально ребят и под суд отдавали, и все это...» (информант 6, солдат срочной службы, Москва).

Отметим, что в рамках апокалиптического жанра формула «интернационального долга» обычно не находит отклика, разговор о нем инициируется исследователем, а не возникает в собственном нарративе ветерана. Это отличает апокалиптический жанр от романтического, где данная политическая формула ретранслируется.

«Ну что такое интернациональный долг? Мы и тогда как-то к нему так... воин-интернационалист там... Ну, это было все громко сказано, это было все для политиков. Здесь, внутри, там этого не было» (информант 1, солдат срочной службы, Урал).

В рамках апокалиптического жанра необходимость войны в Афганистане обосновывается географическим положением этой страны и ее геополитической значимостью. Это подтверждает и история Афганистана, становившегося ареной борьбы сразу трех великих держав в течение двух столетий. Геополитическое противостояние характеризуется предельно завышенными ставками: поражение в локальном конфликте в итоге связывается с распадом СССР. Афганистан включается в череду последующих конфликтов, где России руками третьих сил противостоят те же противники, чьи цели остались неизменными. Этих противников характеризует деструктивная роль в мировой политике, негуманные способы ведения войны и неуважение к локальным традициям.

Скептический жанр

Скептический жанр представляет собой жанр делегитимации афганской войны и частично схож с ироническим жанром в описании терактов 11 сентября [Сопног, 2012]. В отличие от прочих, для этого жанра не характерна внутренняя консистентность. Несмотря на эклектичность, скептический жанр объединяет в себе обращение к иным культурным ресурсам и реинтерпретацию того, как остальные жанры обращаются к собственным ресурсам.

Важнейшим ресурсом скептического нарратива является сравнение с Великой Отечественной войной. Эта война занимает особое символическое место в российском контексте [Malinova, 2018; Дубин, 2004] — война-ориентир, война-идеал. Таким образом, она представляет собой культурный ресурс, который можно ожидать в представлениях о том, какой должна быть правильная война:

«Справедливая война — та, когда топчут твою землю и ты защищаешься в пределах этой территории. А остальные все — это вот искусственные доктрины» (информант 19, кадровый военный, Центральная Россия).

Вместе с тем, легитимации Афганской войны, в отличие от делегитимаций, скорее, не могут строиться на сравнениях с Великой Отечественной

войной из-за значительных отличий между этими конфликтами. В рамках скептического жанра характеристики Великой Отечественной войны (оборонительная, всенародная) сильно отдалают ее от Афганской (ведется на чужой территории, ограниченная).

«Великую Отечественную я бы вообще ни с чем не сравнивал. Великая Отечественная — это война, которую нельзя ни с чем сравнить, и будет это даже неприлично <...> И то, что перенесли люди и весь народ, весь народ, не только те, кто погибли, и те, кто воевали, а это дети, женщины, старики, то есть все. Это вся страна...» (информант 5, солдат срочной службы, Сибирь).

Сравнения с Великой Отечественной могут доходить до смены ролей:

«Так-то я понимаю, они же не душманы, они же такие партизаны, как наши [в ВОВ] были. Мы к ним пришли со своей верой, мы их заставили, хотели научить своему» (информант 7, солдат срочной службы, СЗФО)

В остальном жанр строится на критике описанных выше обоснований и их обращении к различным историческим событиям. Одним из наиболее распространенных аргументов в критике Афганской войны является безуспешность попыток построить в Афганистане цивилизованное (демократическое, социалистическое) общество в том виде, в каком его представлял Советский Союз. Утверждаются архаичность и неизменность образа жизни афганцев, преобладающие над любыми попытками их «цивилизовать».

«А то, что там 90% неграмотных и 99% верующих, — об этом некоторые иногда и забывали <...> Хотели их то же самое [как у нас], чтобы все то же самое было — и комсомолы, и пионеры. И стали колхозы делать. А как колхозы делать? Если они вот на сохе пашут: два быка и вот соха такая деревянная. Начали им давать комбайны, а чтобы на комбайне, на тракторе ездить, нужно еще научиться. Ну, много там было проблем» (информант 17, кадровый военный, Москва).

Отчасти как и апокалиптический, скептический жанр не принимает формулу «интернационального долга», но ожидаемо в более критическом русле рассматривает участие в войне:

«Я... не понимаю определения. Вот этого... слова — интернациональный долг. Кому я? Я афганцам должен был? Я не должен» (информант 16, кадровый военный, Москва).

Выход СССР из Афганистана оценивается более негативно, чем в апокалиптическом жанре и, тем более, в жанре социалистического романтизма. Если апокалиптический жанр указывает на относительную неуспешность

Афганского конфликта, в скептическом встречаются оценки выхода как предательства поддерживающих СССР афганцев:

«Ну, я думаю, что мы тоже вышли плохо, поскольку мы поддерживали определенных людей, а... Наджибулла, вот которого поддерживали, повесили в центре Кабула, поэтому речь о том, что, ну... Мы предали тех, кого мы (неразб.)» (информант 19, кадровый военный, Москва).

Это же касается и присутствия США в Афганистане. Легитимирующие нарративы указывают на то, что последующий после СССР вход США в Афганистан подтверждает их намерения по представлению угрозы СССР, тогда как делегитимирующий нарратив упирает на безосновательность этой аргументации:

«Как показала история (история-то все равно чему-то учит), американцы были в Афганистане. Мы были десять лет, а они пятнадцать, да. Ну и где эти базы? Где эти ракеты?» (информант 16, кадровый военный, Москва);

«Но мы же не пошли защищать афганский народ. Все равно мы туда пошли со своей политикой. Интернациональный долг — это, я понимаю, вот Сирию когда освобождали сейчас, <...> вот до [19]41 года в Испании была война. Там как бы да, они интернационалисты, они ехали в Испанию, там, испанцам помогать от фашизма. <...> Когда десантура наша вот тогда в Югославию, в Белград-то приехали — вот это да <...> Осетию — вот это, наверное, больше интернационалисты, которые побыли, навели порядок — и ушли» (информант 7, солдат срочной службы, СЗФО).

Как итог, скептический жанр строится вокруг обращения к альтернативному спектру культурных ресурсов и реинтерпретации того, как иные жанры обращаются к собственным культурным ресурсам. Основным ресурсом этого жанра является Великая Отечественная война, являющаяся примером «идеальной войны» и задающая недостижимые стандарты для всех остальных войн. В рамках скептического жанра с опорой на послевоенную историю Афганистана критикуются как апелляции к цивилизационной роли СССР в Афганистане (распространенные в жанре социалистического романтизма), так и разговоры о глобальных рисках (характерные для апокалиптического жанра). Эта критическая работа по реинтерпретации позволяет продемонстрировать, как с точки зрения общепринятых представлений о правильном и неправильном войны могут делегитимироваться в обыденном восприятии.

Заключение и дискуссия

В рамках исследования обыденных обоснований мы описали три нарративных жанра разговора о смысле и морали Афганской войны, обращенных на ее легитимацию и делегитимацию: социалистический романтизм,

апокалиптический и скептический жанры. Каждому из них свойственен собственный культурный репертуар, нацеленный на создание определенной перспективы войны в Афганистане. Если социалистический романтизм выстраивает фокус на успехе Афганской войны как гуманистического проекта по расширению советской зоны влияния, помощи дружественному народу и предотвращению притока наркотиков в СССР, то в рамках апокалиптического жанра Афганистан помещается в ряд других глобальных конфликтов, где ставки повышаются до безопасности и целостности страны. В скептическом жанре возникает эксклюзивное обращение к наиболее значимому культурному ресурсу (Великой Отечественной войне), а также предлагаются альтернативные интерпретации иных событий афганской и российской истории. Этот жанр демонстрирует, как в обыденном сознании могут реконструироваться аргументы, касающиеся делегитимации войн.

Выделенные нами жанры легитимаций войн демонстрируют сильную схожесть с теми жанрами, что были описаны ранее западными исследователями: апокалиптический жанр и социалистический романтизм в нарративах ветеранов Афганистана имеют схожесть с апокалиптическим и романтическим жанрами в западном гражданском дискурсе, описанными Смитом [Smith, 2010], последний также с прогрессистским метанарративом [Connor, 2012]. Это подтверждает, что схожесть культурного контекста действительно способствует схожим способам разговора о войне. Вместе с тем Смит считал, что устойчиво на легитимацию конфликта может работать лишь апокалиптический жанр, тогда как мы можем резюмировать, что жанр социалистического романтизма также распространен в разговорах о военном конфликте. Важную роль в легитимации Афганской войны в рамках этого жанра играет преуменьшение военного аспекта советского присутствия и негативных последствий войны в Афганистане. То есть обоснования военных конфликтов могут базироваться не только на преувеличении их значимости (как это устроено в апокалиптическом жанре), но и на демонстрации ограниченного характера конфликта — преуменьшении масштабов боевых действий, целей и результатов.

Мы пришли к выводу, что обыденные обоснования войн, которые воспроизводят ветераны, не конструируются исключительно из публичных легитимаций, а опираются на представления ветеранов о должном, историю страны, представления о самих себе и других, то есть на различные культурные ресурсы. Это демонстрирует релевантность критики существующих исследований легитимаций (как публичных, так и обыденных), ограниченных дедуктивной логикой анализа и утилитаристской логикой.

Мы предполагаем, что нарративные жанры обоснования войны в Афганистане могут быть применены и к другим военным конфликтам с участием России. Специфика выбранной группы и ее малый размер указывают на пилотажный характер проведенного исследования относительно массовых обыденных обоснований военных конфликтов. Дальнейшая работа по исследованию обыденных обоснований войн в российском контексте могла бы сосредоточиться на изучении нарративных жанров об участии в иных военных

конфликтах, а также могла бы строиться на других выборках для сравнения жанров обоснований и специфики их обращения к культурным ресурсам. Однако и на данном этапе показательны, с одной стороны, почти универсальная схожесть жанров в легитимации различных войн и других драматических событий, а с другой — их культурная специфичность, что в большей степени демонстрирует жанр социалистического романтизма.

Ограничением нашего исследования является избранный эмпирический материал. В дальнейшем следует изучить, существует ли в более широком гражданском дискурсе иной, более распространенный жанр делегитимации Афганской войны, который ветераны не воспроизводят, но которому оппонировать. Исследование этого жанра позволит уточнить особенности функционирования нарративов делегитимации войн.

Литература / References

- Александр Дж., Смит Ф. Сильная программа в культуросоциологии // Социологическое обозрение. 2010. Т. 9. № 2. С. 11–30. EDN: [NTYQKH](#)
- Alexander J., Smith P. (2010) Strong Program in Cultural Sociology. *Sosiologicheskoe obozrenie* [Russian Sociological Review]. Vol. 9. No. 2. P. 11–30. (In Russ.)
- Бахтин М. Проблема речевых жанров // Собрание сочинений. Том 5. М.: Русские словари, 1996. С. 159–206.
- Bakhtin M. (1996) Problema rechevyh zhanrov [The Problem of Speech Genres]. In: *Sobranie Sochinenij. Tom 5.* [Collected Edition. Volume 5]. Moscow: Russkie slovari. P. 159–206. (In Russ.)
- Данилова Н. Мемориальная версия Афганской войны (1979–1989 годы) // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 262–281.
- Danilova N. (2005) Memorialnaya versiya Afganskoj vojny (1979–1989 gody) [Memorial Version of the Afghan War (1979–1989)]. In: *Pamyat o vojne 60 let spustya: Rossiya, Germaniya, Evropa* [Memory of the War 60 Years Later: Russia, Germany, Europe]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. P. 262–281. (In Russ.)
- Даутова Т. Е., Рождественская Е. Ю. Репертуар биографических выборов ветеранов Афганской войны // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2024. № 3. С. 114–140. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.3.2542>
- Dautova T. E., Rozhdestvenskaya E. Yu. (2024) Repertoire of Biographical Choices of the Afghan War Veterans. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i socialnye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 3. P. 114–140. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.3.2542>
- Дубин Б. «Кровавая» война и «великая» победа // Отечественные записки. 2004. Т. 5. № 20. С. 82–89.
- Dubin B. (2004) The “Bloody” War and the “Great” Victory. *Otechestvennyye zapiski* [Patriotic Notes]. Vol. 5. No. 20. P. 82–89. (In Russ.)
- Страусс А., Корбин Д. Основы качественного исследования / Пер. с англ. Т. С. Васильевой. М.: Эдиториал УРСС, 2001.
- Strauss A., Corbin J. (2001) *Osnovy kachestvennogo issledovaniya* [Basics of Qualitative Research]. Transl. form Eng. by T. S. Vasileva. Moscow: Editorial URSS. (In Russ.)
- Тарасенко А., Кулмала М. Представительство интересов и социальная политика в России: ветеранские организации как посредники между обществом и государством // Журнал исследований социальной политики. 2016. Т. 14. № 4. С. 551–568. EDN: [XHFLWB](#)

Tarasenko A., Kulmala M. (2016) Representing Interests and the Crafting of Social Policy: Viewing Russian Veterans' Organisations as Brokers between State and Society. *Zhurnal issledovanij socialnoj politiki* [The Journal of Social Policy Studies]. Vol. 14. No. 4. P. 551–568. (In Russ.)

Baiocchi G. (2006) The Civilizing Force of Social Movements: Corporate and Liberal Codes in Brazil's Public Sphere. *Sociological theory*. Vol. 24. No. 4. P. 285–311. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-9558.2006.00292.x>

Baum M.A., Groeling T. (2010) Reality Asserts Itself: Public Opinion on Iraq and the Elasticity of Reality. *International Organization*. Vol. 64. No. 3. P. 443–479. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0020818310000172>

Bloch-Elkon Y. (2007) Studying the Media, Public Opinion, and Foreign Policy in International Crises: The United States and the Bosnian crisis, 1992–1995. *Harvard International Journal of Press/Politics*. Vol. 12. No. 4. P. 20–51. DOI: <https://doi.org/10.1177/1081180X07307184>

Carpenter C., Montgomery A.H., Nylen A. (2021) Breaking Bad? How Survey Experiments Prime Americans for War Crimes. *Perspectives on Politics*. Vol. 19. No. 3. P. 912–924. DOI: <https://doi.org/10.1017/S1537592720002376>

Connor B.T. (2012) 9/11—A New Pearl Harbor? Analogies, Narratives, and Meanings of 9/11 in Civil Society. *Cultural Sociology*. Vol. 6. No. 1. P. 3–25. DOI: <https://doi.org/10.1177/1749975511427809>

Cooper D.A., Marvin O.L., Ang A., Li Y. (2010) “Pretty Prudent” or Rhetorically Responsive? The American Public's Support for Military Action. *Political Research Quarterly*. Vol. 63. No. 1. P. 83–96. DOI: <https://doi.org/10.1177/1065912908327230>

Danilova N. (2007) Veterans' Policy in Russia: A Puzzle of Creation. *The Journal of Power Institutions in Post-Soviet Societies*. No. 6/7. P. 1–22. DOI: <https://doi.org/10.4000/pipss.873>

Dexter H. (2008) The “New War” on Terror, Cosmopolitanism and the “Just War” Revival. *Government and Opposition*. Vol. 43. No. 1. P. 55–78. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1477-7053.2007.00243.x>

Dill J., Schubiger L.I. (2021) Attitudes toward the Use of Force: Instrumental Imperatives, Moral Principles, and International Law. *American Journal of Political Science*. Vol. 65. No. 3. P. 612–633. DOI: <https://doi.org/10.1111/ajps.12635>

Hiebert R.E. (2003) Public Relations and Propaganda in Framing the Iraq War: A Preliminary Review. *Public Relations Review*. Vol. 29. No. 3. P. 243–255. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0363-8111\(03\)00047-X](https://doi.org/10.1016/S0363-8111(03)00047-X)

Hollander P. (2009) Contemporary Political Violence and Its Legitimation. *Society*. Vol. 46. No. 3. P. 267–274. DOI: <https://doi.org/10.1007/s12115-009-9204-y>

Jacobs R.N. (2000) *Race, Media, and the Crisis of Civil Society. From Watts to Rodney King*. Cambridge: Cambridge University Press. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511489211>

Jacobs R.N., Smith P. (1997) Romance, Irony, and Solidarity. *Sociological Theory*. Vol. 15. No. 1. P. 60–80. DOI: <https://doi.org/10.1111/0735-2751.00023>

Kalyvas S.N. (2006) *The Logic of Violence in Civil War*. Cambridge: Cambridge University Press. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511818462>

Kornprobst M. (2014) From Political Judgements to Public Justifications (and vice versa): How Communities Generate Reasons upon Which to Act. *European Journal of International Relations*. Vol. 20. No. 1. P. 192–216. DOI: <https://doi.org/10.1177/1354066112439218>

Laitin D. (2007) *Nations, States, and Violence*. Oxford; New York: Oxford University Press.

Lamont M., Thévenot L. (2013) *Rethinking Comparative Cultural Sociology: Repertoires of Evaluation in France and the United States*. Cambridge: Cambridge University Press. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511628108>

Liu D., Shao L. (2024) Nationalist Propaganda and Support for War in an Authoritarian Context: Evidence from China. *Journal of Peace Research*. Vol. 61. No. 6. P. 985–1001. DOI: <https://doi.org/10.1177/00223433231178849>

Malinova O.Y. (2018) Constructing the “Usable Past”: the Evolution of the Official Historical Narrative in Post-Soviet Russia. In: N. Bernsand, B. Tornquist-Plewa (eds.)

Cultural and Political Imaginaries in Putin's Russia. Boston; Leiden: Brill. P. 85–104. DOI: https://doi.org/10.1163/9789004366671_006

Maxey S. (2020) The Power of Humanitarian Narratives: A Domestic Coalition Theory of Justifications for Military Action. *Political Research Quarterly*. Vol. 73. No. 3. P. 680–695. DOI: <https://doi.org/10.1177/1065912919852169>

McIntosh J. (2021) Language and the Military: Necropolitical Legitimation, Embodied Semiotics, and Ineffable Suffering. *Annual Review of Anthropology*. Vol. 50. No. 1. P. 241–258. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev-anthro-101819-110258>

Mirhosseini S. A. (2017) Discursive Double-legitimation of (Avoiding) Another War in Obama's 2013 Address on Syria. *Journal of Language and Politics*. Vol. 16. No. 5. P. 706–730. DOI: <https://doi.org/10.1075/jlp.16016.mir>

Oddo J. (2011) War Legitimation Discourse: Representing “Us” and “Them” in Four US Presidential Addresses. *Discourse & Society*. Vol. 22. No. 3. P. 287–314. DOI: <https://doi.org/10.1177/0957926510395442>

Sagan S. D., Valentino B. A. (2018) Not Just a War Theory: American Public Opinion on Ethics in Combat. *International Studies Quarterly*. Vol. 62. No. 3. P. 548–561. DOI: <https://doi.org/10.1093/isq/sqy033>

Saito H. (2021) The Sacred and Profane of Japan's Nuclear Safety Myth: On the Cultural Logic of Framing and Overflowing. *Cultural Sociology*. Vol. 15. No. 4. P. 486–508. DOI: <https://doi.org/10.1177/17499755211001046>

Simonsen S. (2019) Discursive Legitimation Strategies: The Evolving Legitimation of War in Israeli Public Diplomacy. *Discourse & Society*. Vol. 30. No. 5. P. 503–520. DOI: <https://doi.org/10.1177/0957926519855786>

Smith P. (2010) *Why War? The Cultural Logic of Iraq, the Gulf War, and Suez*. Chicago: University of Chicago Press.

Smith P. (1991) Codes and Conflict: Toward a Theory of War as Ritual. *Theory and Society*. Vol. 20. P. 103–138. DOI: <https://doi.org/10.1007/BF00160735>

Scott W. J., De Angelis K. M., Segal D. R. (2018) Veterans and Veterans' Issues. In: D. Kieran, E. A. Martini (eds.) *At War: The Military and American Culture in the Twentieth Century and Beyond*. P. 127–146.

Сведения об авторах:

Гаджиев Акиф — аспирант, кафедра анализа социальных институтов, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия. **E-mail:** akifka21@mail.ru. **РИНЦ Author ID:** 1080965; **ORCID ID:** 0000-0001-6273-3398.

Даутова Татьяна Евгеньевна — аспирантка, кафедра анализа социальных институтов, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия. **E-mail:** te.dautova@gmail.com. **РИНЦ Author ID:** 1232758; **ORCID ID:** 0000-0001-9380-7505; **ResearcherID:** GYV-5843-2022.

Статья поступила в редакцию: 23.12.2024

Принята к публикации: 23.02.2025

Narrative Genres and Cultural Resources of Ordinary Justification of the Soviet War in Afghanistan (1979–1989)

DOI: 10.19181/inter.2025.17.1.3

Akif Gajiyev HSE University, Moscow, Russia
E-mail: akifka21@mail.ru

Tatiana E. Dautova HSE University, Moscow, Russia
E-mail: te.dautova@gmail.com

This paper examines ordinary justification of military conflicts and their cultural resources based on interviews with veterans of the 1979–1989 war in Afghanistan. We begin by reviewing studies of public justifications and ordinary perception of wars. Based on the review of studies of the relationship between public opinion and decisions to initiate and terminate military conflicts, we conclude that ordinary perceptions of military conflicts have a prescriptive force. We criticize the utilitarian focus characteristic of studies of public justifications, as well as the limited consideration of cultural resources and beliefs about what is proper in the study of ordinary perception. To overcome these limitations, we turn to the strong program in cultural sociology that postulates the thesis of the autonomy of culture and offers tools for studying justifications — narrative genres and cultural resources. Ordinary justifications of military conflicts are examined using interviews with veterans of Afghanistan as an example. Based on the analysis of 22 interviews with veterans of the war in Afghanistan, three narrative genres of ordinary legitimation and delegitimation of this conflict are identified: social realism, apocalyptic, and skeptical. Each narrative genre is characterized by its own approach engaging cultural resources, different views on the war in Afghanistan and some of its particular events, such as the withdrawal from Afghanistan of the Soviet troops. Ordinary justifications demonstrate relative autonomy from public justifications, the ability of independent work with an extensive cultural repertoire within the Russian historical context.

Keywords: ordinary justification, legitimation, narrative, cultural sociology, Afghan war, war veteran

Acknowledgement. The research was supported as part of the project “Experience of local conflicts: processing, resocialization, disability” (HSE University).

Authors Bio:

Akif Gajiyev — Graduate Student, Department of Analysis of Social Institutions, HSE University, Moscow, Russia. **E-mail:** akifka21@mail.ru. **RSCI Author ID:** 1080965; **ORCID ID:** 0000-0001-6273-3398.

Tatiana E. Dautova — Graduate Student, Department of Analysis of Social Institutions, HSE University, Moscow, Russia. **E-mail:** te.dautova@gmail.com. **RSCI Author ID:** 1232758; **ORCID ID:** 0000-0001-9380-7505; **ResearcherID:** GYV-5843-2022.

Received: 23.12.2024

Accepted: 23.02.2025